The Victims of the War, by L. Krayevsky

ЛЕВЪ КРАЕВСКІЙ

ЖЕРТВАМЪ ВОЙНЫ

Цѣна 25 сентовъ

Priboy Publishing Company
New York

Петроградское издательство
ПРИБОЙ

ЛЕВЪ КРАЕВСКІЙ

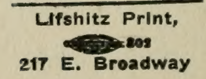
Жертвамъ войны

Новыя пѣсни рабочихъ
и
Лирическія Стихотворенія

СКАЗКА
похожая на правду

Priboy Publishing Co.
New York

Lifshitz Print,
217 E. Broadway

И. Глущенко.

1918г 6 Апреля

Григорополе

мошкона

Жертвамъ Войны

ЖЕРТВАМЪ ВОЙНЫ.

Покорныя дѣти безправной земли,
Что дружно сражались и въ полѣ легли,
О, кто васъ оплакалъ и кто васъ отпѣлъ?
Лишь вѣтеръ, что ночью въ глуши пролетѣлъ
Надъ грудами вашихъ изрубленныхъ тѣлъ.

Покорныя дѣти безправной земли,
Кому свои жизни вы въ даръ принесли,
Какъ долгіе мирные годы труда?
Не тѣмъ-ли, кто васъ не жалѣлъ никогда?
Кто въ рабствѣ голодномъ держалъ васъ всегда?

Покорныя дѣти безправной земли,
Затѣмъ-ли вы въ жертву себя принесли,
Чтобъ врагъ вашихъ братьевъ-рабочихъ—
тиранъ,
Чье имя безстыдство и ложь, и обманъ, —
Сталъ деспотомъ новыхъ захваченныхъ странъ?

Покорныя дѣти безправной земли,
На вѣрную смерть васъ враги повели!
И въ рабствѣ оставшійся братъ вашъ—народъ
И вашихъ могилъ никогда не найдетъ,
И только еще разъ, еще разъ вздохнетъ...

Покорныя дѣти безправной земли,
Что словно колосья на нивѣ легли,
Васъ купно оплакалъ и вмѣстѣ отпѣлъ
Лишь вѣтеръ, что ночью въ глуши пролетѣлъ
Надъ грудами вашихъ изрубленныхъ тѣлъ.

ПОСЛАНІЕ.

Жрецы науки и искусства,
Поднявшіе на брата мечъ,
Любви божественное чувство
Вы не могли въ толпѣ зажечь?

И говорю вамъ съ укоризной:
Васъ будетъ совѣсть бичевать, —
«Нельзя пожертвовать отчизной»?
Но развѣ можно убивать?!

Едва дымъ пушечный растаетъ,
И на штыкахъ застынетъ кровь,
Такъ міръ всѣ ужасы узнаетъ,
И сердце чуткимъ станетъ вновь.

Тогда душевныя страданья
Вы обнаружите, скорбя,
Но никакого оправданья
Вы не найдете для себя.

И весь вашъ путь унизанъ будетъ
Слезами сиротъ и калѣкъ...
И лѣтописецъ не забудетъ,
Какъ низко падалъ человѣкъ.

Жрецы науки и искусства,
Поднявшіе на брата мечъ,
Любви возвышенное чувство
Вы не могли въ сердцахъ зажечь?

ВИНОВНИКУ ВОЙНЫ.

Кто — безумный злодѣй,
Что затѣялъ войну?! —
За убитыхъ людей
Я тебя прокляну!!

Вотъ придетъ день суда,
И за кровь и за плачъ
Ты отвѣтишь тогда,
Кровожадный палачъ.

Ты, поникнувъ челомъ,
Дашь трусливый отвѣтъ,
Что отчизнѣ мечомъ
Сталъ грозить твой сосѣдъ.

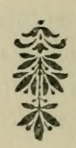
Озвѣрѣвшій въ борьбѣ,
Возмущенный народъ
Не повѣритъ тебѣ
И на казнь поведетъ.

Лишь тогда ты поймешь,
Что нельзя убивать,
Что за жадность и ложь
Звалъ ты кровь проливать.

Но, увы, и тогда
Не поймешь до конца...
Никогда, никогда
Самъ не сбросишь вѣнца...

А вѣнецъ твой — тотъ мечъ,
Что надъ нами виситъ...
Снимутъ голову съ плечъ
И вѣнецъ твой слетитъ.

Кто-бъ ты ни былъ, злодѣй,
Красный демонъ всѣхъ странъ, —
За убитыхъ людей
Будь ты проклятъ, тиранъ!!

КОМУ НУЖНА ВОЙНА.

Не спорьте, люди, о войнѣ —
О ней двухъ мнѣній быть не можетъ:
Бичъ красный не въ одной странѣ
Жестоко бѣдствія умножитъ.

Народомъ властвуютъ вельможи,
Соскучившіеся въ пирахъ
Полудремать на пышномъ ложѣ,
Въ роскошныхъ тканяхъ и цвѣтахъ.

Безпечность, нѣжныя волненья
Ужъ ихъ не радуютъ давно...
Все надоѣло: пляска, пѣнье,
Богатство, почести, вино...

И вотъ, своей безмѣрной властью
Развращены, опьянены,
Они бросаютъ съ лютой страстью
Народъ на жертвенникъ войны...

И, поле брани чѣмъ ужаснѣй,
Чѣмъ дальше надоѣвшій миръ,
Тѣмъ онъ торжественнѣй, прекраснѣй —
Кошмарно жуткій новый пиръ.

Такъ Неронъ праздновалъ бездѣлье, —
Такъ хороводилъ Чингисханъ —
Онъ наслаждался на похмѣльѣ
Пурпурнымъ цвѣтомъ свѣжихъ ранъ.

Словами лести и обмана
О Богѣ, о странѣ родной,
Подъ звуки трубъ и барабана
Зовутъ васъ «долгъ отдать святой»...

Такъ гонитъ стадо на закланье
Купецъ, торгующій скотомъ, —
Идутъ покорныя созданья,
Куда, зачѣмъ — поймутъ потомъ...

Но вы, о, высшія творенья!
Ахъ, угнетенные рабы!
Не ваша-ль цѣль — освобожденье,
А силы — для своей судьбы?!

Въ васъ рабскій духъ слѣпой, покорный,
Пріученный къ цѣпямъ, къ плетямъ,
И не свернуть съ дороги торной,
Указанной вельможей вамъ.

Того, кто міръ нашъ покидаетъ,
Напрасно — жаль мнѣ и не жаль,
Но съ тѣми, кто по немъ рыдаетъ,
Вся скорбь моя и вся печаль...

САМОУБІЙЦА.

Ну, прощайте, всѣ живые!
Я иду туда,
Гдѣ снаряды боевые —
Наши господа.

Там не знаютъ состраданья
И не ходятъ въ храмъ,
Гдѣ молитвы и рыданья
Для солдата — срамъ.

Тамъ не спросятъ, не разсудятъ,
Тамъ одинъ разсчетъ:
Кто сильнѣе раненъ будетъ,
Тотъ скорѣй умретъ.

Пуля лютая несется
Безъ ума, безъ глазъ...
Если въ сердце проберется —
Это ей «какъ разъ».

Не надѣюсь я на чудо,
Что останусь цѣлъ, —
Сердце сказываетъ — буду
Въ ямѣ мертвыхъ тѣлъ.

Кто пойметъ и кто измѣритъ
Душу всю мою?!!
Только Богъ одинъ повѣритъ —
Мой Судья въ раю.

Если-жъ Бога нѣтъ и рая,
    И душа умретъ, —
Съ кѣмъ прощусь я, умирая?
    Кто меня пойметъ?

Хоть бы людямъ здѣсь осталась
    Память обо мнѣ,
Чтобъ душа не затерялась
    Въ полѣ на войнѣ...

Вотъ — уйду, придутъ другіе...
    Завтра, какъ вчера...
. . . .
Ну, прощайте, дорогіе!
    Некогда!! Пора!!

УМАЛИШЕННАЯ.

За рѣшеткою желѣзной —
Не убійца и не звѣрь —
Стонетъ-мечется старушка,
Головой стучится въ дверь:

«Люди, люди, отворите !
Отпустите къ сыну мать !
Онъ зоветъ меня... Я слышу...
Я хочу его обнять!..

Вотъ въ него вцѣпился воронъ
И клюетъ его, клюетъ !..
Отворите и кричите !
Пусть сбѣжится весь народъ !..

Дайте ключъ, пока не поздно,
И скорѣй скажите всѣмъ:
«Воронъ хищный кровожаденъ !
Воронъ съѣстъ его совсѣмъ !..

Я найду его... Не бойтесь...
Я чужого не возьму —
Нѣжно, бережно, любовно
Я къ груди его прижму.

Тамъ лежатъ еще другіе...
Я имъ сына опишу
И прямую путь-дорожку
Указать мнѣ попрошу...

Это вамъ его не жалко,
Тѣ поймутъ меня сейчасъ
И помогутъ мнѣ... а добрый
Приведетъ къ нему какъ разъ.

Тамъ подъ нимъ кровавый коврикъ —
Алo красная трава...
Онъ лежитъ ничкомъ, безглавый...
Тутъ-же близко голова...

Отворите-же ! Злодѣи !
Не отпустите — Убью !
А! не вы-ль его забрали?
Да, да ! Я васъ узнаю...

Это вы его убійцы?!
Вы обманщики Христа?!
Вижу ! Вы меня боитесь !
Ваша совѣсть не чиста!

. . . .

Вотъ надъ полемъ вьется вѣтеръ
Сыну пѣсенку поетъ...
А въ него вцѣпился воронъ
И клюетъ его, клюетъ...

Пожалѣйте ! Отворите !
Я не сдѣлаю вамъ зла !..
Я пошла-бы прямо въ поле
И сама-бы тамъ легла.

Ахъ, вамъ жалко въ полѣ мѣста?
Ну, такъ я вамъ заплачу !
Я въ душѣ васъ презираю
И подарка не хочу...

Вотъ, возьмите кольца, пальцы...
Мнѣ не жалко ничего, —
Только сына мнѣ отдайте !
Сына ! Сына моего !

———

За рѣшеткою желѣзной —
Не убійца и не звѣрь —
Стонетъ-мечется старушка,
Головой стучится въ дверь.

НА ВОЙНУ.

Я пошелъ-бы съ ружьемъ на врага,
Не какъ рабъ, не какъ царскій слуга,
Я пошелъ-бы за бѣдный народъ
На заклятыхъ враговъ, на господъ.

Намъ кричатъ: «На войну ! На войну !
Защищайте родную страну!»
А родная то наша страна
Ужъ давно вся кругомъ плѣнена.

Тамъ нашъ врагъ наше ѣстъ, наше пьетъ,
А намъ — плѣннымъ дышать не даетъ,
И врагомъ намъ нельзя его звать
И не смѣемъ мы съ нимъ воевать.

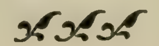
Круглый годъ, отъ весны до весны,
На него мы работать должны:
Сѣять, жать, молотить да пахать, —
Намъ награда за все — голодать.

А за правдой пойдешь ты къ нему —
Отдубасятъ тебя да въ тюрьму.
Чай ужъ много тамъ нашихъ ребятъ,-
Коль не сразу убьютъ, то сгноятъ.

А ты помнишь-ли сколько бѣднягъ
Уложилъ кровожадный нашъ врагъ ?
Вѣшалъ, рѣзалъ, поролъ и рубилъ,
Всѣхъ, кто правду искалъ, перебилъ.

Какъ спасешь ты родную страну,
Коль она вся во вражьемъ плѣну
И нельзя намъ дружину созвать —
Съ нашимъ лютымъ врагомъ воевать.

Если я ужъ пойду на врага,
То пойду не какъ царскій слуга,
А, какъ братъ, за рабочій народъ —
На купцовъ, на поповъ, на господъ.

ОСВОБОЖДЕНІЕ.

Король склонилъ свой шлемъ кро-
вавый
Къ ногамъ вчерашняго врага,
Того, чей мечъ увѣнчанъ славой,
Онъ — коронованный слуга.

Народъ его покрытъ позоромъ,
Разбитъ, измученъ, разоренъ,
Съ своимъ готовымъ приговоромъ
Вокругъ дворца блуждаетъ онъ.

Онъ знаетъ тайную причину
Навязанной ему войны...
И—тщетно служитъ властелину
Громада каменной стѣны...

Ужъ не скрывая возмущенья,
Его потребовалъ народъ...
Но отъ рабовъ своихъ прощенья
Палачъ сознательный не ждетъ.

А выйти съ мужествомъ героя
И власть народу передать, —
Скорѣе громъ убьетъ зимою,
Скорѣй рѣка помчится вспять.

Пріученъ съ дѣтства къ льстивымъ одамъ
И гордой власти родовой —
Онъ развѣ можетъ предъ народомъ
Стоять съ поникшей головой?

Еще силенъ онъ палачами,
А злое сердце точитъ месть, —
И власть онъ защититъ мечами
И ускользающую честь!..

Пускай стучится ропотъ вражій,
Пускай рычитъ, какъ лютый звѣрь, —
Окружена надежной стражей
Забронированная дверь!

Здѣсь, во дворцѣ онъ — выше Бога,
Здѣсь — только смерть ему равна,
Но... часовымъ вокругъ чертога
Изнанка силъ его видна:

Тамъ безработные, калѣки —
Худые, блѣдные рабы,
Теперь проклявшіе на вѣки
Насильника чужой судьбы.

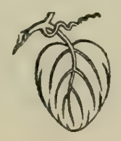
И злы — понявшіе впервые,
Въ чемъ ихъ спасенье, кто ихъ врагъ!
О, что имъ пушки боевыя
И хитрый королевскій флагъ!!

Пройдя сквозь каменные своды,
    Гдѣ все кругомъ — броня и щитъ,
Могучая волна свободы
    Надъ ухомъ короля кричитъ:

«Ты — наше рабство! Ты — нашъ голодъ!
    «Ты — ядъ гнiющихъ нашихъ ранъ!
«Мы встали всѣ — и старъ и молодъ!
    «И мы казнимъ тебя, тиранъ!»

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

И мечется въ послѣднемъ страхѣ
    Понявшiй все лишь въ первый разъ...
Умретъ онъ на позорной плахѣ
    Сегодня, завтра иль сейчасъ.

ДУША ПѢВЦА.

Не тогда у меня чародѣйка-весна
Когда небо блистаетъ лучами,
Когда поле покрыто цвѣтами...
Если чаша страданій чрезмѣрно полна,
Я встрѣчаю весну со слезами.

Не тогда у меня дни осенней тоски,
Когда небо чернѣе могилы,
Когда вѣтра напѣвы унылы...
Мнѣ и грусть нипочемъ, мнѣ и цѣпи легки,
Лишь воспрянутъ бодрящія силы.

Не тогда я умру, когда смерти гонецъ
Надо мною, какъ воронъ, взовьется,
Когда сердце мое разорвется...
Но тогда я умру и тогда мой конецъ,
Когда пѣсня моя оборвется.

НОВЫЯ ПѢСНИ РАБОЧИХЪ

И

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

КУЗНЕЦЪ.

Я не баринъ, не купецъ —
бѣлоручка,
Я на фабрикѣ кузнецъ,
вотъ получка.

Видишь — лѣвая рука
вся побита,
А ладонь отъ молотка,
какъ копыто.

На работу я встаю
рано-рано;
Ей всѣ силы отдаю,
безъ обмана.

Какъ желѣзо двинешь въ жаръ,
разогрѣешь,—
Тутъ и копоть и угаръ, —
одурѣешь.

Молоточекъ мой тяжелъ,
чертовщина,
А возьмешься, такъ пошелъ,
какъ машина.

И не плачешь, не поешь
и не тужишь,
Знай — потѣешь да куешь,
черту служишь.

День пройдетъ, уходишь спать,
подкрѣпиться,
Чтобъ потомъ весь день опять
такъ томиться

Да и то старайся ѣсть
по-немногу...
И пока работа есть —
слава Богу.

Есть работа, круглый годъ
распинайся,
Безработица придетъ,—
убирайся!

Спи на улицѣ зимой,
ѣшь отбросы,—
Не возьмутъ къ себѣ домой
наши «боссы».

Имъ всегда на свѣтѣ рай
беззаботный,
Ты-жь хоть лягъ да помирай,
безработный.

Добрый баринъ, что франтитъ
въ новомодномъ,
За обѣдомъ «покряхтитъ»
о голодномъ...

Безработныхъ, что ни годъ,
прибываетъ,
А хозяинъ свой комодъ
набиваетъ,

Такъ прошли свой горькій путь
наши дѣды,
И теперь намъ давятъ грудь
дармоѣды.

Мы — рабочіе слывемъ
дураками;
Соберемся да пойдемъ
съ молотками!!

Мнѣ ихъ сабли ни-почемъ,
да и пушки!
Размахнусь да молоткомъ
по макушкѣ!

И посмотримъ, чье возьметъ,—
пусть и ваше,—
Чѣмъ копченный черный потъ,
смерть мнѣ краше.

А и можетъ быть судьба
улыбнется,
Какъ душа моя — раба
встрепенется.

Мы на хлѣбъ у богачей
не попросимъ,
Обезглавимъ палачей,
цѣпи сбросимъ.

Пусть и баринъ, и купецъ
погуляютъ,—
Какъ опомнится кузнецъ,
такъ узнаютъ...

Я на фабрику пойду,
чтобъ собраться;
Тамъ товарищей найду —
выйдемъ драться.

Правдой взять мы не могли
да любовью,—
Купимъ радости земли
нашей кровью!!

ИСКАНІЯ.

Идти протоптаннымъ путемъ,
Путемъ толпы я не хотѣлъ.
Толпа съ крестомъ, толпа съ мечомъ,
А я любовь безгрѣшно пѣлъ.

И я ушелъ, блуждая, въ даль,
Гдѣ грозы, вихри, ямы, грязь...
Тамъ расцвѣла моя Печаль
И радость жизни родилась.

Среди холодныхъ черныхъ дней
Являлся вдругъ желанный мигъ,—
И жизнь любить я сталъ сильнѣй
И красоту ея постигъ.

Печаль дала мнѣ свой уборъ,
А Радость огненный цвѣтокъ,
Лучи его ласкаютъ взоръ
Того, кто горько одинокъ.

Печали траурный нарядъ
Смиряетъ алчные глаза,—
Глаза, въ которыхъ сладкій ядъ,
Омоетъ скорбная слеза.

Къ тебѣ иду теперь, толпа,
Своими пѣснями будить,—
Ты малодушна и слѣпа
Желать, стремиться, находить.

МОЯ ЗВѢЗДА.

Посмотри, какъ веселъ день !
    И зоветъ безпечно въ даль . . .
    А судьбѣ меня не жаль:
Вотъ, за мной всегда, какъ тѣнь
    Ходитъ черная печаль.

Въ скорби дологъ часъ, какъ годъ,
    А надеждъ въ печали нѣтъ . . .
    Все-жъ я небу шлю привѣтъ !
Знаю, мнѣ звѣзда блеснетъ
    И отдастъ свой яркій свѣтъ.

БАТРАКИ.

Мы — крестьяне-мужики
— люди темные.
Оттого мы батраки
да никчемные.

Знаемъ — зоренька встаетъ,
подымаемся,
А какъ солнышко зайдетъ,
возвращаемся.

Знаемъ — нивѣ отдавать
наши силушки,
Такъ, чтобъ отдыха не знать
до могилушки.

Мы вѣдь каторжнымъ трудомъ
занимаемся,
А и жить-то не живемъ,
только маемся.

Если баринъ подзоветъ,
такъ съ попреками,
А урядникъ въ хату претъ —
за оброками.

Если хлѣбъ чуть-чуть подмокъ
аль пожгло его,
Тутъ-ужъ дѣло — табачекъ
у Сысоева...

Со скотинушкой своей
распрощаешься,
Да бурдой, что для свиней
угощаешься...

А потянется зима —
печь холодная,
И вся хата — какъ тюрьма
да голодная...

А, бываетъ... налетятъ
наши стражники
Да возьмутся за дѣвчатъ —
черти-бражники...

По деревнѣ, что гроза,
разсыпаются...
Обезчестятъ да въ глаза
насмѣхаются.

А заступишься за дочь
да на ворога,—
Ужъ деревнѣ эта ночь
стоитъ дорого...

Полдеревни засѣкутъ,
бабъ насилуютъ,
Все до ниточки сожгутъ,
не помилуютъ...

А кому пришла бѣда
опорочиться,
Тѣмъ от сраму и стыда
жить не хочется.

Ну и станешь съ горя пить —
жизнь и тянется...
Думалъ горюшко залить —
Анъ и пьяница.

А покамѣстъ мужичекъ
за умъ хватится,
Все хозяйство въ кабачекъ
перекатится.

Насъ и грабятъ, насъ и бьютъ
управители,
И покою не даютъ
разорители.

Не успѣешь отдохнуть
да оправиться,
Какъ заправить жало въ грудь
чортъ ужъ явится.

«Эй, ребята, стройся въ рядъ,
собирайтеся!
На войну васъ гнать велятъ!
Одѣвайтеся!»

Покачаешь головой
        и отправишься...
А оттуда ужъ домой
        цѣль не явишься.

Не пора ли намъ понять
        ихъ глумленія,
И отъ Господа не ждать
        избавленія...

Соберемся, мужики
        недовольные,
Горемыки-батраки
        подневольные!..

Чѣмъ страдать намъ да кормить
        управителей,
Надо встать да разгромить
        разорителей!

Во столицу богачей
        какъ отправимся —
Съ главарями палачей
        и расправимся.

Если кто-нибудь изъ насъ
        тамъ останется,
Такъ ужъ дѣткамъ въ добрый часъ
        все достанется.

А за то ужъ, кто придетъ
побѣдителемъ,
Тотъ на вѣки прослыветъ
избавителемъ.

ИСПОВѢДЬ.

Я пою не затѣмъ, чтобъ добиться
Тлѣнной славы и льстивыхъ похвалъ...
Просто скорбью не въ мочь мнѣ томиться;
Такъ ручей говорливый межъ скалъ
Изъ-подъ вешняго снѣга стремится.

Такъ больной, изнемогшій въ страданьи:
Пусть ему окружающихъ жаль,
Пусть его утѣшаетъ вниманье.—
Онъ съ усиліемъ скроетъ печаль,
Но внезапно прорвется рыданье.

Такъ забытый цвѣтокъ одинокій
Распускаетъ свои лепестки,—
Пронесется-ли вѣтеръ жестокій
Иль приникнутъ къ нему червячки,
Онъ струитъ благовонные соки.

ЦАРЬ ПРИРОДЫ.

Лишь съ высотъ, гдѣ летаютъ орлы,
Обаятельнымъ кажется міръ...
Люди слѣпы, ничтожны и злы...
Кто имъ дастъ откровенье и миръ?

Ихъ училъ нашъ великій Христосъ,
Справедливый и мудрый, какъ Богъ,
Но отъ рабства, раздоровъ и слезъ
Жалкихъ смертныхъ спасти онъ не могъ.

Вы вошли въ заколдованный лѣсъ,
Гдѣ не видно вамъ свѣтлыхъ высотъ,
И напрасно вы ждете чудесъ,
Васъ никто никогда не спасетъ.

И теперь къ вамъ безжалостенъ рокъ
И отмѣченъ проклятьемъ на вѣкъ,
Оттого, что и слѣпъ и жестокъ
Самъ вершитель судебъ — человѣкъ.

«ШАПЪ».

Этотъ домъ многоэтажный
Намъ прохожій указалъ.
Тамъ хозяинъ толстый важный
Насъ къ машинамъ привязалъ.

И выходитъ, что «спасибо»
«Босєу» жирному тому —
Мы замерзли-бы гдѣ-либо
Аль попали-бы въ тюрьму.

Голодать мы не хотѣли
А и совѣсть продавать,
Вотъ согнулись и засѣли
Чорту деньги добывать.

Боссъ весь день по шапу ходитъ
И, когда ни поглядишь,
Съ насъ — рабочихъ глазъ не сводитъ,
Все считаетъ свой барышъ.

Что и люди, что иголки,
Все богатому — доходъ;
Мы работаемъ, какъ пчелки,
А бездѣльникъ лижетъ медъ.

Цѣлый день ревутъ машины
Точно тысяча звѣрей.
Мы сѣдимъ, согнувши спины,
Намъ кричатъ: скорѣй! скорѣй!

А въ открытое оконце
Безъ печали, безъ заботъ
Смотритъ радостное солнце
И на волю насъ зоветъ.

На лугу, въ открытомъ полѣ
Разыгралася весна . . .
Крѣпко держатъ насъ въ неволѣ . . .
Погоди-же, сатана ! . .

Намъ, вѣдь, только сговориться,
А какъ встанетъ весь народъ,
Да какъ битва разгорится —
Врагъ пощады не найдетъ.

. . . .
. . . .

Вотъ гудятъ, гудятъ машины
Точно тысяча звѣрей...
Мы сидимъ, согнувши спины,
Намъ кричатъ: «Скорѣй! Скорѣй!»

Мы вспотѣли, мы устали
А машины надо гнать,
Чтобы боссы не кричали,
Не грозили — насъ прогнать.

Такъ проходитъ день проклятый,
    Чаша выпита до дна...
Разогнешь хребетъ горбатый —
    Вся трещитъ — скрипитъ спина.

Рукъ не чувствуешь — замлѣли,
    Ноги — точно въ нихъ свинецъ...
. . . .
. . . .
Чтобъ вы, боссы, околѣли!
    Вы — терновый нашъ вѣнецъ.

И о Богѣ вы намъ лжете,
    И пугаете судомъ
И законы создаете,
    Чтобъ вамъ жить чужимъ трудомъ.

Всѣ вы, жадные, жестоки
    И безсовѣстны, лжецы!
Въ вашихъ кассахъ — наши соки!
    Подлецы вы, подлецы!

ЗОЛОТЫЯ ЦѢПИ.

Я не знаю, зачѣмъ
Я примчался сюда...
Новый Свѣтъ вашъ совсѣмъ —
Адъ кромѣшный труда.

Я ограбленъ кругомъ —
Сынъ отчизны больной...
Вы, какъ съ лютымъ врагомъ,
Поступили со мной.

Вы прозвали свой край
Колыбелью свободъ,
И вашъ призрачный рай,
Обольщая, влечетъ.

О, ужели за хлѣбъ
Весь продамся я вамъ!
Міръ вашъ — пасмурный склепъ!
И гробица мечтамъ.

Пусть-же знаетъ весь свѣтъ
И родная страна,
Что свободы здѣсь нѣтъ,
Здѣсь царитъ сатана.

Онъ царитъ надъ умомъ
И любовью святой —
Съ подневольнымъ ярмомъ
Сатана — золотой.

ПѢСНЬ О ЗАГУБЛЕННОЙ ДѢВУШКѢ.

Пускай придутъ и свяжутъ,
  Пытаютъ и убьютъ,
Когда нибудь разскажутъ
  Иль пѣсенку споютъ...

Вотъ слышу отдаленный
  Прощальный тихій звонъ —
Души приговоренной
  Послѣдній сладкій сонъ...

Но что я потеряю?
  Я весь всегда въ себѣ:
Живу-ли, умираю
  Иль кланяюсь судьбѣ.

Мы всѣ подъ рабской ношей
  Когда нибудь умремъ...
А развѣ сонъ хорошій
  Придетъ, когда мы ждемъ?

Я чутко наблюдаю
Твою, его печаль,
И съ вами я рыдаю,
Себя-же мнѣ не жаль.

Ты слышишь: за стѣною
Влюбленная поетъ,
А, можетъ быть, весною
Тамъ кто нибудь умретъ.

Одна дѣвица пѣла
Въ веселенькомъ саду,
Ворона прилетѣла,
Накаркала бѣду.

Въ тотъ вечеръ къ ней явился
Любовникъ и женихъ
На ней почти женился,
А самъ любилъ другихъ.

Кольцо, колье съ браслетомъ
Другой онъ подарилъ,
Но до сихъ поръ объ этомъ
Онъ «ей» не говорилъ.

Сегодня полупьяный
Онъ просто разсказалъ,
Что съ дѣвушкой румяной
Судьбу свою связалъ.

А та его не любитъ,
Другой ей кто-то милъ...
Погубитъ, не погубитъ —
Уйти не хватитъ силъ.

Такъ сладостно чаруетъ
Ея змѣиный станъ...
Обниметъ — поцѣлуетъ —
Ты счастливъ, точно пьянъ.

Какъ вспомнилъ полупьяный
О дѣвушкѣ своей,
О новой той, румяной,
И побѣжалъ онъ къ ней.

А эта здѣсь осталась,
Покинутая имъ,
И все ей показалось
Насмѣшливымъ и злымъ...

. . . .
. . . .

Она еще не знала
Мучительныхъ обидъ
И сразу испытала
Предательство и стыдъ.

Была она у мамы
Невинна, какъ цвѣтокъ,
А онъ, вотъ этотъ самый,
Шутя, ее завлекъ.

Завлекъ ее обманомъ, —
  Жениться обѣщалъ,
Водилъ по ресторанамъ
  Поилъ и развращалъ,

И такъ какъ раззорился
  И вѣчно былъ онъ пьянъ,
То вотъ онъ и рѣшился
  Отдать ее въ шантанъ.

Другимъ она «служила»,
  Ему была «вѣрна», —
Она его любила,
  Какъ честная жена.

Теперь онъ тамъ гуляетъ,
  Не думаетъ о ней,
Танцуетъ, распѣваетъ
  Съ той новою своей...

Разсыпала прическу
  И бросилась въ постель,
Роняя папироску,
  Утрачивая хмель.

Легла, но ей не спалось...
  И слезы въ два ручья...
И все ей представлялась
  Соперница ея.

И вспомнила, что гдѣ-то
  Живетъ старушка-мать,
Сыта-ль она — одѣта?..
  Но стали въ дверь стучать.

И входитъ корридорный :
  «А такъ что вотъ вашъ гость
Стекло разбилъ въ уборной
  И тамъ оставилъ трость.

А васъ зоветъ на ужинъ
  Съ шампанскимъ армянинъ...
Отвѣтъ сейчасъ мнѣ нуженъ...
  Хорошій господинъ».

Всю ночь она сидѣла
  У темнаго окна...
Пила и не пьянѣла
  И плакала она.

  ....
  ....

А послѣ всякъ смѣялся
  У пьянаго стола
Надъ тѣмъ, кто огорчался,
  Что Эмма умерла.

Я помню голосъ Эммы —
  Плакучій голосокъ —
И, кажется мнѣ, всѣ мы —
  Живой ея упрекъ.

И многихъ убиваютъ
  Иль въ рабство продаютъ...
О нихъ и не узнаютъ
  И пѣсни не споютъ.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ.

Прекрасенъ міръ! Земля цвѣтетъ,
  Лучи зовутъ: «живи!
Блеснувъ, твой мигъ сгоритъ,
  умретъ,
  Ты хочешь жить — лови!»

Встаетъ заря — душа свѣтла
  И мы чего-то ждемъ...
Мои мечты Судьба сожгла,
  Одѣла сердце льдомъ.

Я понялъ: Рокъ не видитъ слезъ,
  А день на что-то данъ...
И рву я бархатъ алыхъ розъ
  И сладко — сладко пьянъ.

Нашъ міръ богатъ, нашъ міръ
  великъ,
  Нашъ міръ для всѣхъ одинъ.
Въ немъ каждый—гость. На часъ,
  на мигъ
  Въ немъ каждый—властелинъ.

МОЯ ЛЮБОВЬ.

Пѣснь.

Когда я не любилъ —
Тосковала душа, —
Мнѣ сказали: — Любовь,
Какъ весна хороша.

Но потомъ, полюбивъ
Дочь несбыточныхъ грезъ,
Я узналъ, что въ любви
Тайна внутреннихъ слезъ.

А теперь, лишь успѣлъ
Я ее позабыть, —
И не знаю, кого,
Но хочу полюбить...

О счастливой любви,
О прекрасной, какъ сонъ,
Въ золотыя мечты
Я всегда погруженъ.

Если нѣтъ среди насъ
Той любви неземной,
Хоть поймите меня
И вздохните со мной...

Я на вѣки плѣненъ
Легкокрылой мечтой,
Что въ красивой душѣ
Рождена красотой.

Но доступенъ ея
Зачарованный садъ
Лишь тому, чей порывъ
Былъ сильнѣе преградъ.

Разсказать-ли мнѣ вамъ,
Какъ она хороша?!..
— Отъ улыбки ея
Воскресаетъ душа!

Въ изумрудныхъ очахъ —
Небеса и луна,
Зеленѣютъ поля
И играетъ волна...

Въ волосахъ золотыхъ —
Переливы лучей,
Что ласкаютъ лужокъ
И цѣлуютъ ручей...

А уста — талисманъ
Неизвѣданныхъ чаръ,
Что приноситъ любовь
Только ангеламъ въ даръ...
. . . .
Если нѣтъ среди насъ
Той любви неземной,
Хоть поймите меня
И вздохните со мной.

———

КЪ РОДИНѢ.

Прости, отчизна дорогая —
Сердечная дикарка Русь, —
Теперь, къ чужбинѣ привыкая,
Къ тебѣ не скоро соберусь...

Быть можетъ, въ дни большой печали,
И угнетенный и больной,
Твои задумчивыя дали
Увижу въ грезахъ предъ собой...

Иль, можетъ быть, придутъ минуты
И сердцу нѣжность возвращу,
Забывъ твой нравъ безмѣрно лютый,
И свято все тебѣ прощу...

Тамъ все мое, тамъ все родное:
И лѣсъ, и прудъ, и рядъ могилъ...
Мое тамъ дѣтство золотое,
Тамъ я и грезилъ и любилъ.

Но никогда еще понынѣ
Я по тебѣ не тосковалъ,
Гдѣ-бъ ни блуждалъ я на чужбинѣ,
И что-бы ни переживалъ.

Всегда живетъ во мнѣ сознанье,
Что въ дружбѣ мнѣ съ тобой не быть, —
Учить добру — мое призванье,
Твое — насильникамъ служить.

И не скажу, что въ Свѣтѣ Новомъ
Я нахожу свой идеалъ, —
Своимъ вѣнкомъ, вѣнкомъ терновымъ
Я-бъ этотъ мрачный край назвалъ.

Но здѣсь я — гость и гость незванный,
И благодаренъ за пріютъ,
И мнѣ желаненъ нежеланный
И непривычный черный трудъ.

Родной земли своей изгнанникъ —
Брожу я по чужой странѣ —
Разбитый, истомленный странникъ...
И ужъ себя не жалко мнѣ.

Гонимый голодомъ, морозомъ,
Стучусь — прошусь въ работный домъ...
Тамъ не родиться свѣтлымъ грезамъ,
Тамъ надо быть тупымъ рабомъ.

Но пусть умру порабощенный, —
Таковъ дѣтей твоихъ удѣлъ —
Увидѣть Русь освобожденной
Я-бъ — твой безумный сынъ — хотѣлъ.

. . . .

. . . .

Еще не скоро, но настанетъ
Счастливый день, блаженный годъ,
Когда крестьянинъ твой возстанетъ,
Когда солдатикъ твой пойметъ...

. . . .
. . . .

Прощай-же, родина больная,
Моя и скорбь и радость — Русь,
Къ тебѣ вернусь-ли я — не знаю,
Но за тебя всегда молюсь...

Увы, тщета моихъ моленій
Тебѣ самой давно видна:
Признали твой кровавый геній —
Погромы, казни и война.

СКАЗКА

похожая на правду.

За горами, за долами,
За дремучими лѣсами,
Тамъ, гдѣ шибко пьютъ вино, —
Горе, радость — все равно

(А вина коль не найдется,
Дуютъ все, что попадется:
Керосинъ и скипидаръ,
Чертоломъ и чертопаръ) . . .

Тамъ на отчьемъ древнемъ тронѣ
Царь свободъ сидѣлъ въ коронѣ,
И была она ему
Тяжела, какъ никому.

Какъ-то люди догадались
Да и снять ее пытались . . .
Да къ царю-то путь далекъ,
А покамѣстъ — царь утекъ . . .
. . . .
Въ этомъ самомъ, значитъ, царствѣ
Старо-древнемъ государствѣ
Жили были мужики —
Горемыки-батраки.

Царь, извѣстно, жилъ по-царски,
А чиновники по-барски ;
Жили ладно и купцы
И духовные отцы . . .

Да и всякъ, кто изловчился,
Смотришь — паномъ нарядился,
А шагаетъ босикомъ
Тотъ, кто прозванъ мужикомъ.

Мужички своимъ иконамъ
Ставятъ свѣчечки съ поклономъ,
Какъ сто лѣтъ тому назадъ,
И съ надеждой въ даль глядятъ,

Вотъ, молъ, новый годъ настанетъ,
Богъ поможетъ — лучше станетъ . . .
За годами годы шли,
Мужички свой крестъ несли,

Видятъ — нѣту облегченья —
Все по прежнему — мученья, —
Стали разумъ свой пытать,
Стали книжечки читать,

А по книжечкамъ выходитъ, —
Счастье каждый самъ находитъ,
А кто съ неба чуда ждетъ,
Счастья такъ и не найдетъ.

А, какъ правду увидали —
Все сидѣли да гадали:
Что тутъ дѣлать ? Какъ тутъ быть ?
Какъ-бы счастье раздобыть ? . .

Вдругъ, оттуда, гдѣ столица,
Къ нимъ гонецъ летитъ, какъ птица,
Рукавомъ стираетъ потъ
И такую рѣчь ведетъ :

Мы — ученые — Эсъ-Эры —
Видимъ — горю нѣту мѣры,
Долго думали, и вотъ —
Мы придумали исходъ :

Я пришелъ сказать народу —
Надо драться за свободу !
Тотъ, кто съ нами и за насъ,
Дружно въ битву въ добрый часъ ! !

Воедино соберемся,
Грозной тучей понесемся !
А какъ ворога побьемъ,
Свой порядокъ заведемъ.

Мужичекъ за ухомъ чешетъ:
«Видно — Богъ насъ не утѣшитъ . . .
Люди правду говорятъ, —
Точно — Богъ нашъ глуховатъ . . .

Торопиться мы не будемъ
Все, какъ слѣдуетъ, обсудимъ . . .
Вѣдь, коль сдѣлаешь на спѣхъ —
Самъ — хоть плачь, а людямъ смѣхъ».

Люди міромъ собирались,
Долго спорили — ругались —
Все безъ толку шли слова,
Все — кто въ лѣсъ, кто по дрова . . .

Ну а тутъ как разъ эсъ-эры,—
То имъ сказки, то примѣры,
Молъ, какъ можно-бы создать
Чисто божью благодать . . .

И опять всѣ согласились
Лишь на время отпросились,
Чтобы, значитъ, не спѣшить,
Да людей не посмѣшить . . .

На дворѣ бушуетъ вьюга,
Воетъ чертова подруга . . .
А и стужа — холодина,
А и снѣгу — три аршина . . .

Порѣшили, до весны
Отказаться отъ войны,
А, какъ ледъ начнетъ качаться,
Такъ ужъ міромъ ополчаться.

Время — вѣтеръ — не лежитъ,
Мчится, скачетъ и бѣжитъ . . .
За недѣлями недѣли,
Словно ласточки летѣли

И, какъ яблочко, красна
Развернулася весна . . .
Вдругъ, оттуда, гдѣ столица,
Новый къ нимъ летитъ, какъ птица,

Рукавомъ стираетъ потъ
И такую рѣчь ведетъ :
— Мы — ученые — Эс-деки
Васъ избавим отъ опеки,

Отъ нагайки казака
Да отъ пана — кулака . . .
Заживемъ мы тихо — мирно,
Кушать будемъ сладко, жирно,

И нагладимъ дѣло такъ,
Чтобъ богатымъ сталъ бѣднякъ . . .
Это надо взять борьбою,
Но безъ драки, безъ разбою:

Наши книжечки читать —
Умъ — сознанье развивать . . .
Это значитъ — подготовка . . .
Наша битва — забастовка:

— Не хотимъ работать! Стопъ!
Пусть попашутъ панъ да попъ !
Пусть купцы поголодаютъ.
Хлѣба съ неба ожидаютъ . . .

Тутъ нашъ ворогъ и придетъ,
Рѣчь съ поклономъ поведетъ :
— «Мы боимся разориться
И согласны помириться».

Мы прибавочку возьмемъ,
Потолкуемъ — подождемъ,
Сговоримся да и снова —
Забастовочка готова . . .
Вотъ и выйдетъ : что ни годъ —
Богатѣетъ нашъ народъ.

Люди міромъ собирались,
Долго спорили — ругались,

Все безъ толку шли слова,
Все — кто въ лѣсъ, кто по дрова, —

Не привыкли безъ опеки,
Ну, а тутъ, какъ разъ — Эсъ-дэки :

Об'яснили мужикамъ, —
Тѣ согласны, — по рукамъ . . .

Люди споры прекратили
И эс-дэки укатили, —

Молъ, какъ только срокъ придетъ, —
Забастовочка пойдетъ:

По командѣ, по наукѣ
Мужички всѣ сложатъ руки . . .

Время — вѣтеръ, — не лежитъ, —
Мчится, скачетъ и бѣжитъ . . .

За недѣлями недѣли,
Словно ласточки, летѣли.

И, какъ райскій сонъ, ясна
Развернулася весна . . .
Вдругъ, оттуда, гдѣ столица
Третій къ нимъ летитъ, какъ птица,

Рукавомъ стираетъ потъ
И такую рѣчь ведетъ :
Мы — ученые — бомбисты,
Правдолюбы — анархисты, —

Никого не признаемъ,
Что намъ надо, то беремъ ;
Любимъ пить и кушать сладко
Безъ закона, безъ порядка . . .

Пусть всякъ дѣлаетъ, что хочетъ,
А другого не морочитъ . . .
Словомъ — жизнь должна быть—рай:
Ѣшь — бери — живи — гуляй ! ! . .

Тутъ крестьяне осовѣли,
А потомъ — повеселѣли,
Не шумятъ и не галдятъ,
Ротъ разинувши глядятъ :

«Это — дѣло, это — штука !
Ишь, какая есть наука !
. . . .

Время — вѣтеръ, — не лежитъ, —
Мчится, скачетъ и бѣжитъ . . .

За недѣлями недѣли,
Точно ласточки, летѣли

И, какъ дѣвица красна
Развернулася весна . . .

Попикъ весело ступаетъ,
Знаетъ — пасха наступаетъ,

Знаетъ — праздникъ принесетъ
И веселье и доходъ . . .

Попъ плетется къ становому,
Точно къ батюшкѣ родному,

Становой ползетъ къ нему
Точно къ батькѣ своему . . .

Становому попъ доноситъ,
Что мужикъ свой носъ заноситъ.

Ротъ разинулъ становой,
Попъ качаетъ головой . . .

Покалякали по дружбѣ,
Пошепталися по службѣ,

Сговорились, разошлись
И за дѣло принялись . . .

Попъ съ крестомъ по хатамъ ходитъ
И про пекло рѣчь заводитъ . . .

Золоченный крестъ лучистъ,
А и попъ, какъ чертъ, рѣчистъ . . .

Разсказать онъ можетъ много
Про геенну и про Бога . . .

Мужичекъ разинулъ ротъ
И затылокъ свой скребетъ,

Про ученыхъ вспоминаетъ —
Ничего не понимаетъ :

Отъ креста какъ будто — свѣтъ,
Значитъ, — врутъ, что Бога нѣтъ . . .

Тутъ попу все разсказали,
Что ученые сказали . . .

Попъ отъ злости сталъ дрожать,
И проклятьемъ угрожать:

— Кто подумаетъ про смуту,
Тотъ ужъ грѣшникъ въ ту минуту,

Въ пекло Богъ его запретъ
И на вѣки проклянетъ . . .

Мужички перекрестились,
Горько каяться пустились . . .

Попъ имъ крестъ свой показалъ
И молиться приказалъ :

Тутъ крестьяне поклонились,
Міромъ Богу помолились . . .
Попъ подачку получилъ
Разомъ всѣмъ грѣхи простилъ . . .

Снова день за днемъ уходитъ,
За зимой весна приходитъ,
А потомъ и дождь и тьма,
А потомъ опять зима . . .

Царь, какъ жилъ, живетъ по-царски
А чиновники по-барски,
По купечески — купцы
И духовные отцы

Да и всякъ, кто изловчился,
Смотришь — паномъ нарядился,
А шагаетъ босикомъ,
Тотъ, кто прозванъ мужикомъ.

Время — вѣтер, — не лежитъ,
Мчится, скачетъ и бѣжитъ . . .
Снова день за днемъ подрядъ,
Словно птицы, пролетятъ

И, какъ маковъ цвѣтъ, красна
Разыграется весна.
А мужикъ нашъ безъ науки,
Просто, взявъ дубину въ руки,

На мучителей пойдетъ
И свободушку возьметъ . . .

. . . .
. . . .

Такъ и сгинутъ всѣ несчастья
И настанетъ чудо-счастье
И вся доля мужика
Будетъ радостна — легка . . .

Тутъ и воля и доходы
И гулянки — хороводы . . .
Тутъ и медъ и леденецъ . . .
Тутъ и сказки всей конецъ . . .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

О Т

о книгѣ Льва Краевскаго ,,жертвамъ войны"

,,Новый Міръ":

Нами получена для отзыва книжка Ль
Въ Нью-Іоркѣ не разъ и раньше выходили сбор
авторы не блистали талантами. Въ данномъ слу
Г-нъ Л. Краевскій обладаетъ живымъ, подвижны
своихъ произведеніяхъ на ,,больные вопросы"
изгнанника. крестьянская доля,—вотъ тѣ темы, к
колоніи книжка принесетъ свою пользу и многим

,,Свободное Слово":

,,Редакція рекомендуетъ сборникъ Льв

,,Русское Слово":

.... ,,Жертвамъ войны" Льва Краевс

,,Жизнь и Смѣхъ":

...... ,,книга Льва Краевскаго ,,жертв
суетъ жизнь рабовъ. Вообще эта книга обнаруж
изображать эту жизнь такою, какова она въ дѣй
сочны, жизненны и читаются съ большимъ инте

,,Просвѣщеніе":

...... Мы обращаемъ вниманіе русской
Сборникъ этотъ носитъ названіе ,,жертвамъ войны

ЗЫВЫ

за недостаткомъ мѣста мы приводимъ ихъ сокращенно)

Краевскаго „Жертвамъ Войны“ — сборникъ стихотвореній.
и стихотвореній на русскомъ языкѣ, но въ большинствѣ
и авторъ и книжка являются пріятнымъ исключеніемъ.
стихомъ и съ непосредственнымъ чувствомъ откликается въ
еменности. Рабочая жизнь, война, чувства невольнаго
ыхъ касается перо поэта. Нѣтъ сомнѣнія, что для русской
удетъ прочитана съ удовольствіемъ.

раевскаго „жертвамъ войны“.

читается легко и увлекательно, издано хорошо и удачно“.

войны“ достойна вниманія. Авторъ ярко и выпукло ри-
тъ дарованіе автора, его знаніе жизни и, главное, умѣнье
ельности. Стихи г-на Краевскаго сильны, колоритны (кра-
мъ“.

эній въ Америкѣ на книжку стиховъ Льва Краевскаго.
продается за 25 сентовъ.

Петроградское Издательство »ПРИ

Литературно - Художественный Ал
»ПРИБОЙ«

(подъ редакціей Льва Краевскаго
Петроградѣ)

Л. Андрусонъ. — Облако (стихотв.).
Шоломъ Ашъ. — Пророкъ Михей (легенда).
А-дръ Блокъ. — Тройка (стихотв.).
А. Гринъ. — Она (разсказъ).
Осипъ Дымовъ. — Весталка (разсказъ).
Анатолій Каменскій. — Женщина (разсказъ).
Кн. Н. Касаткинъ Ростовскій. — Трое (пьеса въ стихахъ).
Левъ Краевскій. — Зарницы. Радость (стих.).
М. Премировъ. — Дѣти Города (разсказъ).
Ив. Рукавишниковъ. — Вотъ она—невѣдомая (стихотв.).
Ал-ръ Рославлевъ.—Башня Горбуна (поэма).
Р. Соловьевъ. — Языкъ поэзіи (стихотв.).
Дм. Цензоръ. — Избавленіе (поэма).

Цѣна одинъ руб.

Первое изданіе все распродано. Въ Нью-Іоркѣ алманахъ „Прибой“ будетъ выходить по болѣе доступной цѣнѣ, также при участіи извѣстныхъ русскихъ писателей и подъ редакціей Льва Краевскаго